

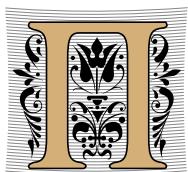

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVIII
DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.003

Т.Ю. Кобищанов

РАЗБОЙНИКИ С БОЛЬШОГО СУЛТАНСКОГО ТРАКТА:

борьба Великого визиря с деребеями Киликии
во время похода против Наполеона Бонапарта 1799 г.

Последняя треть XVIII в. стала для Османской империи периодом глубочайшего структурного кризиса, усугубленного поражениями в войнах с Россией 1768–1774 и 1787–1791 гг. Унизительные условия Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) мирных договоров, проявленная османской армией неспособность противостоять войскам «неверных», истощение государственной казны и последовавшее усиление налогового гнета привели к падению авторитета султанской власти и усилили центробежные тенденции. Упадок османской административной системы укрепил позиции разнородных провинциальных лидеров: как входивших в официальный аппарат управления, так и пребывавших за его рамками.

В этом ряду несколько особняком стояли *деребеи*. В современной турецкой историографии термин «деребей» обрел устойчиво негативную коннотацию, став синонимом понятий «тиран» и «бандит». В то же время деребеи были не просто «разбойниками с большой дороги», а выбившимися из низов предводителями, главарями вооруженных шаек, подчинивших своей власти округу. Особо славились своими разбоями киликийские деребеи. В османских документах они именовались *шаки*

(«грабители», «преступники»), в то же время народные песни воспевали их презрение к закону¹.

В отличие от присылаемых из Стамбула османских чиновников деребеи были местными уроженцами. При этом они не принадлежали и к традиционной племенной знати, не являлись они и военнообязанными землевладельцами-*сипахи*. От городских же лидеров-*аянов* деребеев отличало то, что они предпочитали жить и действовать в сельской, преимущественно горной, местности². Укрепляя свою личную власть, стремившиеся к автономии провинциальные чиновники старались заручиться прочной поддержкой региональных элит, включая деребеев, а большинство представителей последних — добиться официального статуса от османских властей, что повысило бы их престиж и упрочило положение в обществе. В свою очередь, Порта рассматривала деребеев как мятежников, которых следовало уничтожить, а в случае невозможности — наделить официальными титулами и превратить в государственных служащих, облеченных обязанностями по отношению к Стамбулу.

Наиболее удачливым из этих деребеев, таким как Али Тепелени (1750–1822) или Осману Пазвант-оглу (1758–1807), удалось добиться официального признания Стамбула в качестве, соответственно, наместников румелийских провинций Янина и Видин, превратив свои владения в фактические автономии. Армии этих правителей насчитывали тысячи бойцов, при необходимости они могли мобилизовать десятки тысяч ополченцев. Центральное османское правительство — Высокая Порта была вынуждена терпеть самовластие этих региональных лидеров, иногда вступая с ними в конфликты, иногда — довольствуясь внешними проявлениями почтения и покорности. Немало подобных деребеев, хотя и меньшего масштаба, было в ту пору и в Анатолии, а также в Лазистане и Аджарии.

Феномен анатолийских деребеев уже с XIX в. привлекал внимание европейских востоковедов. Некоторые британские наблюдатели видели в них представителей «сельской аристократии», правление которых было предпочтительнее «тирании Стамбула»³. Американский исследователь Эндрю Гулд отмечал, что независимость анатолийских деребеев немало способствовала слабости османского правления в XVIII — нача-

¹ Gould A.G. Lords or Bandits? The Derebeys of Cilicia. *International Journal of Middle East Studies*. 1976, 7 (04). P. 485.

² Ibid. P. 486.

³ Slade A. *Record of Travels in Turkey, Greece, etc. in the Years 1829, 1830 and 1831*. 2nd ed.; London, 1833. P. I. P. 215–220.

ле XIX в. Причем именно деребеи Киликии стали последними, уступившими напору реформ Танзимата середины XIX в.⁴

В разных частях Киликии хозяйничали несколько семейств деребеев. К северо-востоку от хребта Нур (он же Аманос или Гавур-Даджы) при поддержке влиятельного курдского племени *окчу иззеддинли* укрепился клан Улашлы-беев, сохранявший свое влияние с середины XVIII в. по 1865 г. Восточные склоны Нура были зоной господства беев Чобан-оглу. Подмявшее под себя округ Козан семейство Козан-оглу практически полностью игнорировало власть Стамбула даже в первой половине XIX в.⁵

Столь долгому сохранению деребейских династий Киликии способствовали ее природно-географические особенности. Провинция-*эялет* Адана, или историческая Киликия, являлась одной из наименее развитых областей Османской империи. В Киликии было немало площадей, пригодных для высокопроизводительного сельского хозяйства, однако большинство их оставались невозделанными. Поймы протекавших здесь рек были в значительной степени заболочены, из-за чего местное оседлое население — армяно-, турко- и арабоязычное — страдало от малярии и других эндемических заболеваний⁶. В результате Киликия оставалась областью преобладавшего скотоводческого хозяйства. Кочевые или полукочевые племена курдов и туркоманов весной отгоняли отары овец на высокогорные пастбища, а в конце октября — начале ноября спускали свои стада на зимние стойбища у подножия гор Тавра или далее на восток — в долины Нура, либо на север — к Антакьи. Юго-восточные предгорья Нура были крайней точкой кочевания арабов-верблюдоводов.

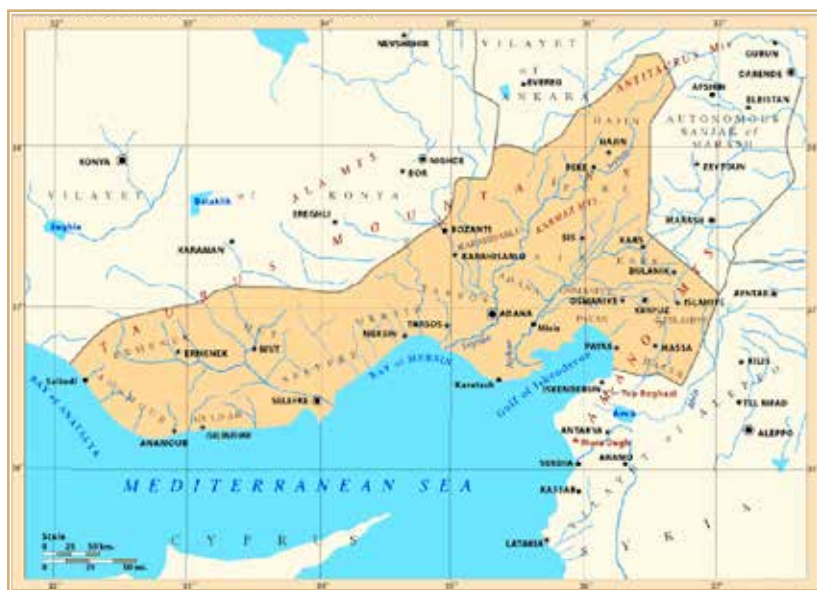
Пересеченный рельеф редкозаселенной местности, большинство населения которой вело кочевой образ жизни, делал этот край идеальным разбойничьим гнездом. Труднопроходимые горы Киликии позволяли небольшой группе вооруженных людей успешно противостоять атаке превосходящих сил. Вместе с тем долина Чукурова (Киликийская низменность), по выражению японского османиста Тетсуя Сахара, служила природным шарниром, соединявшим Центральную Анатолию со Средиземноморским побережьем⁷. Через нее же проходил Большой султанский тракт — важнейший караванный путь в Сирию, Египет и Хиджаз, по которому из Стамбула двигались купцы и паломники-*хаджи*. Местное

⁴ Gould A.G. Lords or Bandits? P. 485–506.

⁵ Ibid. P. 490–506.

⁶ *Sabara Tetsuya*. The 1909 Adana Incident (Part 1): The Adana Province during the Nineteenth Century // Meiji University. Academic Repository. 2010, 9. P. 100.

⁷ *Sabara Tetsuya*. The 1909 Adana Incident. P. 100.

Карта вилайета Адана (Киликия). Начало XX в.

население традиционно промышляло разбоем, восполняя тем самым свои скудные доходы от сельского хозяйства. Узкие горные проходы Киликии грозили постоянной опасностью проходившим через них торговым и паломническим караванам. Османские власти пытались защитить их, высылая против грабителей карательные экспедиции. Ответом на правительственное давление и стало усиление власти глав разбойничьих шаяк — дербеев. Кочевники видели в них защитников от гнета властей и союзников в ограблении караванов. На протяжении XVIII в. анатолийские дербеи настолько усилились, что превратились в подлинных местных властителей. Они облагали податями земледельцев, а иногда и горожан, требовали военной помощи от кочевников и взымали регулярные отступные от караванов, проходивших на подвластной им территории⁸.

Именно с этими дербеями пришлось столкнуться *садразаму*⁹ Кёру Йусуфу Зия-паше (1798–1805 и 1809–1811 гг.), когда летом 1799 г. он двинулся во главе армии через Анатолию на освобождение занятого французами Египта. Киликия находится всего в нескольких неделях пути от

⁸ Gould A.G. Lords or Bandits? P. 485.

⁹ Садразам (осман. *садр-и азам* или *везир-и азам*) — глава государственного аппарата Османского государства. Он считался «абсолютным представителем» (осман. *векил-и мутлак*) султана, ответственным за военно-политическое состояние империи, все высшие назначения в армии, столичной и провинциальной администрации. В европейской традиции садразам именовался Великим (Верховным) визирем (везиром).

Стамбула, однако столь высокопоставленные гости не появлялись в этих местах уже давно. Османские султаны пару столетий старались не покидать Стамбул, а садразамы чаще посещали европейскую часть империи, где им, в частности, приходилось руководить военными действиями против Австрии и России. Так что правители государства не привыкли воочию сталкиваться с реалиями жизни своих азиатских владений, и это столкновение во многом стало для них неожиданностью.

Проводя свою армию через внутренние провинции империи, садразам преследовал две попутные цели. С одной стороны, первоочередной задачей было пополнить войско отрядами местных правителей и снабдить его припасами и фуражом. С другой стороны, появление в османской глубинке главы Порты должно было стать актом утверждения центральной власти, торжества законности и справедливости. Шествующий от города к городу во главе многочисленной армии *сераскер*¹⁰ был обречен вершить правосудие, карать преступников и мятежников, вселять трепет перед могуществом султана.

На деле все вышло иначе.

Как отмечал в реляции Павлу I (1796–1801 гг.) российский посланник в Стамбуле В.С. Томара (1799–1809 гг.), «ничто не представляет столько внутреннее существенное состояние Империи Оттоманской, как приключения на походе с армиею Верховнаго Визиря»¹¹. Проблемы со снабжением провиантом и фуражом, саботаж и открытое неповиновение со стороны провинциальных османских наместников и местной знати, низкая дисциплинированность солдат, не готовых к долгим изнурительным переходам, — все это стало проявляться уже через несколько дней пути по дорогам Малой Азии.

12 дней пришлось потерять сераскеру в районе г. Эскишехир, в северо-западной Анатолии¹². Местный правитель *деребей* Абдалла Джумрукджи-оглу с отрядом из 400 человек укрылся на маленьком островке Ада посреди горной речки Сакарья¹³. Болотистые берега стремительной Сакарьи, ширина которой не превышала трех-четырёх сажень¹⁴, а глу-

¹⁰ *Сераскер* — осман. «главнокомандующий». Двусоставное слово, образованное из персидского *сер* — «голова» и арабского *аскер* — «солдат», «воин».

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 58 об.

¹² Эскишехир сейчас входит в дюжину крупнейших городов Турции, расположен в 350 км к юго-востоку от Стамбула.

¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 893. Л. 57.

¹⁴ Английская (морская) сажень = 1,83 м.

Великий Визирь на коне. Французская гравюра начала XIX в.

бина — двух-трех, делали прямой штурм острова невозможным, и, убрав подъемный мост, осажденные чувствовали себя в безопасности в подземных жилищах поселения. На штурм о. Ада во главе 14-тысячного корпуса был направлен начальник османской артиллерии *тюфенкчи-баши*. Ему пришлось лично убедиться в справедливости местного предания, которое гласило, что проживавший там дух, «гений места», некогда помог двадцати мятежникам выдержать полуторалетнюю осаду 20-тысячного войска. Отразив атаки и удержав свою ставку, Джумрукджи-оглу получил прощение и, как говаривали, даже был представлен к титулу двухбунчужного паши¹⁵.

Не сумев справиться с непокорным деребеем, садразам устроил показательную расправу над его союзниками. В полусотне километров от Эскишехира находится г. Сёгют, первая столица Османского бейлика, колыбель турецкой государственности. Фактическим хозяином города в то время являлся некий Абдель-Халим, еще один местный уроженец, создавший альтернативный центр власти. Впрочем, с представителем окружной администрации, главой округа-каза Сёгюта Али-эфенди, Абдель-Халиму удалось наладить взаимопонимание на почве совместных «поборов и угнетения бедняков и *райи*¹⁶»¹⁷. Как

¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 72; ед. хр. 893. Л. 57–57 об.

¹⁶ *Райя* — здесь: податное население.

¹⁷ *Ад-Дарандали 'Иззет Хасан-эфенди*. Зия-наме. Каир, 1999. С. 223.

Младший офицер янычарского корпуса (слева). Баш-чавуш, унтер-офицер янычарского корпуса, ответственный за ведение реестра (справа). Французская гравюра начала XIX в.

отмечал сопровождавший садразам летописец Иззет Хасан-эфенди ад-Дарандали, «просьбы о справедливости» несчастных жителей уже давно доходили до Высокой Порты¹⁸, но Стамбул не уделял им должного внимания. В 1798 г. теневой правитель Сёгюта решил замахнуться на более крупную добычу. Его жертвой стал спешивший к месту службы новоназначенный наместник Халеба Мухаммад-паша, с которого Абдель-Халим потребовал плату за безопасный проезд через город. Местный губернатор-вали Хаки-паша, которому аян, очевидно, пообещал долю, не стал вмешиваться. В результате на улицах Сёгюта разгорелись настоящие бои между охраной Мухаммад-паши и бойцами Абдель-Халима. Город сильно пострадал, «много людей погибло, торговые лавки были разгромлены и сожжены»¹⁹.

Впрочем, даже столь вопиющая демонстрация непокорности, произошедшая в относительной близости от Стамбула, не побудила Порту отправить карательную экспедицию. Непосредственным поводом для расправы же стала посылка Абдель-Халимом пороха и пуль Абдалле Джумрукджи, столь необходимых ему в борьбе с османскими войска-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 224.

Секбан-баши, офицер янычарского корпуса секбан (слева).
Янычар в парадной одежде (справа). Французская гравюра начала XIX в.

ми. Аяну немедленно припомнили все его преступления. Он был обвинен в бунте против султана и тирании своих земляков, неумной алчности, грабежах и насилии. Абдель-Халим был схвачен и казнен, а его имущество конфисковано. Арестованный вместе с ним его ближайший соратник отделался потерей собственности и ссылкой²⁰.

Опасаясь того, что любой вооруженный конфликт с непокорным османским чиновником, самовластным аяном или просто главарем крупной разбойничьей шайки может надолго задержать его, Йусуф Зия-паша после неудачи в Эскишехире изменил тактику. Отныне он стремился не карать способных дать отпор нарушителей османской законности, а договариваться с ними. В результате кратковременное появление войска во главе с садразамом не только не приводило к установлению порядка в провинции, но, наоборот, порождало у местных правителей ощущение вседозволенности, а у населения — чувство разочарования и крушения веры в справедливость верховной власти. В «Записке константинопольских вестей и разглашений», бюллетене российского посольства в Стамбуле, за октябрь 1799 г. сообщалось: «Равным образом разорена Верховным Визирем вся Азия

²⁰ Там же.

Османские иррегулярные солдаты (Эгейское побережье). Изображение XIX в.

и наполнена разбойниками и бунтовщиками до того, что Алеппские купцы принуждены оставить свою коммерцию»²¹.

В частности, Йусуф-паше пришлось смириться с невозможностью наказать другого дербеля: правителя округа Пайяс Халиль-пашу (ум. 1808), более известного под именем Кючюк Али-оглу из рода Кара Осман, на бесчинства которого поступало множество жалоб как от европейских негоциантов, так и от подданных султана.

В 60-е гг. XVIII в. на страницах османских хроник впервые появился некий Кючюк Али, простой бандит, промышлявший ночными налетами на сады, окружавшие город Пайяс²². Садоводы, устав терпеть убытки, стали откупаться от грабителя: кто *ратлем*²³ кофе, а кто — несколькими ратлями риса. Подпитываясь этими поборами, шайка Кючюк Али разрослась до 40–50 человек. Способные дать ей отпор влиятельные горожане один за другим гибли в устроенных бандитами засадах, и вскоре весь город оказался в их руках. С 1778 г. власть над Пайясом и окрестностями залива Александретты перешла к сыну Кючюк Али — Халилю.

²¹ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 1415. Л. 119.

²² Gould A.G. Lords or Bandits? P. 486.

²³ *Ратль* (от греч. λίτρον) — исламская мера объема, близкая по значению к одному из европейских фунтов. Канонический ратль по шариату должен был состоять из 130 дирхамов, что составляло примерно 406,25 г.

Всего в Пайясе, по оценке французского консула в Халебе Луи Александра де Корансе²⁴, можно было насчитать не более 500 мужчин, способных носить оружие²⁵, отряд деребей составлял в обычное время 200–300 бойцов. Осознавая слабость своих сил, Халиль Кючюк Али-оглу воздвиг на окружавших Пайяс высотах в районе Карбейз²⁶ своеобразную потемкинскую деревню из сооружений, внешне выглядевших как неприступные замки, на деле же «на две трети состоявших из грязи, а на треть — из мела, и часто не выдерживавших даже сильного ночного дождя»²⁷. Основные доходы деребей получал, грабя проезжих купцов и изредка заходившие в порт торговые суда, а также вымогая дань с ежегодно пересекавшего его владения каравана хаджа. Пошлину за проход через Пайяс приходилось платить даже правительственным курьерам-татарам²⁸.

Время от времени, когда терпение Порты иссякало, она отправляла в провинцию карательные экспедиции, от которых Кючюк Али-оглу укрывался в скалистых, заросших глухим лесом горах. Переждав некоторое время у своих союзников, беев кочевых племен, он получал прощение Порты и возвращался обратно. В 1786 г. на Пайяс обрушился удар крупных османских сухопутных и военно-морских сил, которыми командовали соответственно садразам Шахин Али-паша (1785–1786 гг.) и глава флота капудан Гази Хасан-паша. Деревней и на этот раз удалось ускользнуть²⁹. Надеясь умиротворить владыку Пайяса, Порта наделяла его все новыми титулами, в итоге возвысив до ранга трехбунчужного паши и даровав почетное звание «защитника дороги в Мекку»³⁰. Впрочем, сам деребей относился к этим пожалованиям довольно иронично.

²⁴ Луи Александр Оливье де Корансе (1770–1832) — французский ориенталист, дипломат и экономист. Принимал участие в экспедиции в Египет и Сирию (1798–1801), в 1802 г. был назначен на пост французского консула в Халебе, затем переведен на аналогичную должность в Багдад.

²⁵ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure, contenant: la description des régions septentrionales de la Syrie; celle des côtes méridionales de l'Asie Mineure et des régions adjacentes encore peu connues; l'examen des causes de l'abaissement du niveau à l'extrémité du bassin oriental de la Méditerranée, etc, etc...* Paris: J.M. Ebehard & Antoine-Augustin Renouard, 1816. P. 98.

²⁶ Сейчас входит в границы г. Пайяс.

²⁷ *Barker J. Some Account of Cuchuk Ali in a Letter from John Barker, Esq. to his Excellency the Earl of Elgin, Dated Aleppo, the 20th November, 1800 // Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor; During the years 1817 & 1818 by the Hon. Charles Leonard Irby and James Mangles, Commanders in the Royal Navy. L., 1823. P. 542.*

²⁸ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 98.*

²⁹ *Gould A.G. Lords or Bandits? P. 486.*

³⁰ *Ibid. P. 487.*

Когда очередной присланный *кау*к — церемониальный головной убор, право носить который имели чиновники ранга пашы, — не налез на непропорционально большую голову³¹ Кючюк Али-оглу, он высказался, что «очевидно, эти кауки не созданы для настоящих голов»³².

Превратившийся в разбойничье гнездо Пайяс приобрел дурную славу у османских и иностранных купцов, они стали избегать заходить в его гавань. За несколько десятилетий процветавший Пайяс, центр шелководства и торговли, превратился в бедное захолустье, затерроризированное население которого не могло обеспечить потребностей своих новых хозяев. Впрочем, сам деребей продолжал вести весьма аскетичный образ жизни, обходясь без предметов роскоши и подавая тем самым пример своим солдатам. По воспоминаниям потомственного дипломата Уильяма Буркхардта Баркера³³, проведенного молодость в Халебе, Кючюк Али-оглу весьма гордился дисциплиной, поддерживаемой в его маленьком войске. «Я не такой, как остальные деребеи, у которых нет веры и которые позволяют своим людям останавливать путешествующих по султанскому тракту [соединявшему Стамбул с Меккой и Мединой. — Т.К.], — заявлял правитель Пайяса, — я доволюсь тем, что посылает мне Аллах»³⁴.

Утрату доходов Халиль Кючюк Али-оглу компенсировал, организовав разбойничьи вылазки за пределы контролируемого им района. Не гнушался он и похищением людей, способных заплатить выкуп. В список его жертв вошли *кади* (шариатский судья) Халеба и направлявшийся в этот же город на службу голландский консул³⁵. Незадолго до появления летом 1799 г. в Южной Анатолии султанской армии правитель

³¹ Кючюк Али-оглу, судя по описанию младшего Баркера, в 1800 г. являл собой весьма колоритную фигуру. Невзирая на свои 60 лет, поджарый и мускулистый, невысокого роста, с непропорционально большой головой, круглым и плоским лицом, он при разговоре непрерывно сопел, причиной чего, по мнению британца, являлся дефект строения его носа. «Впрочем, — добавлял Уильям Баркер, — этот стиль общения считается у турок весьма модным, и они копируют его друг у друга, не сомневаясь, что так их речь звучит более внушительно» (*Barker W.B. Lares and Penates: on Cilicia and its Governors; being a short historical account of that Province from the earliest times to the present day. L., 1853. P. 77*).

³² *Barker W.B. Lares and Penates. P. 79.*

³³ Уильям Буркхардт Баркер (1810–1856) — британский ориенталист, сын Джона Баркера, крестник знаменитого швейцарского путешественника Иоганна Людвига Буркхардта. В 1830-е гг. путешествовал по Ближнему Востоку, в дальнейшем преподавал арабский, турецкий, персидский языки, а также хинди и другие языки Индостана в Итоне.

³⁴ *Barker W.B. Lares and Penates. P. 79.*

³⁵ *Gould A.G. Lords or Bandits? P. 487.*

Османские иррегулярные солдаты (Эгейское побережье). Фотография XIX в.

Пайяса в очередной раз «проштрафился», сперва похитив группу английских моряков, имевших несчастье высадиться на берег пополнить запасы пресной воды³⁶, а затем разграбив караван британской Ост-Индской компании, оценившей убытки в 80 тыс. пиастров³⁷. Общий объем претензий британских, австрийских, рагузских и других подданных к Кючюк Али-оглу превышали 150 тыс. пиастров³⁸. Не в последнюю очередь под давлением дипломатов Йусуф Зия-паша был вынужден заняться делом правителя Пайяса.

Прибытие садразама в Пайяс и показательная расправа над Кючюк Али-оглу должны были стать очередной демонстрацией силы центральной власти и ее триумфом. Вместо этого Порте пришлось пережить небывалый позор. Воспоминания о произошедшем в деталях запечатлел не только российский агент в султанской армии Энрико Франкини, но и французский и британский консулы в Халебе (Алеппо) Луи Александр Корансе и Джон Баркер³⁹, а также упомянутый выше сын последнего — Уильям Буркхардт Баркер. Повествование Иззета Хасан-эфенди ад-Да-

³⁶ Barker W.B. *Lares and Penates*. P. 79.

³⁷ Barker J. *Some Account of Cuchuk Ali*. P. 542–543.

³⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 895. Л. 73.

³⁹ Джон Баркер (1771–1849) — британский дипломат. Родился в Смирне (Измире) в семье купца Левантийской компании, в дальнейшем служил на должностях консула Британии в Халебе (1799–1825), Александрии (1826–1829), генерального консула в Египте (1829–1833).

рандали, который пытался представить события в выгодном для своего патрона свете, оставляют ощущение неловкости и недосказанности.

При приближении османских войск к Пайясу Кючюк Али-оглу традиционно бежал в горы, заставив эвакуироваться и население города. Все упреки отправленного к нему на переговоры Мухаммада Рашид-эфенди, *амин аль-дафтара* (главы счетно-финансовой службы) Высокой Порты, правитель Пайяса высокомерно отверг как «ложные и безосновательные обвинения»⁴⁰. Понимая, что уже выбившийся из графика садразам не имеет времени штурмовать его позиции, Халиль-паша наотрез отказался предоставить ему необходимое продовольствие даже на условиях предоплаты. Впрочем, дабы не ссориться окончательно с Портой, сопровождать обратно Рашид-эфенди Кючюк Али-оглу отправил своего младшего сына с «щедрыми дарами»⁴¹.

В результате, чтобы прокормить солдат, османское командование было вынуждено отдать приказ о доставке провианта морским путем в Искендерун (Александретту), следующий пункт остановки армии; те же два дня, что войска пересекали владения Кючюк Али-оглу, они были вынуждены питаться сухарями⁴².

Османское войско воспринимало перебои с продовольствием крайне болезненно. «Непослушание начальств турецких на сухом пути и худое исполнение везде повелений»⁴³ стало главным тормозом в продвижении армии, лишая солдат необходимого довольствия и понижая их боевой дух. «Кусок хлеба с луком составляют ежедневную еду большинства, рис — это роскошь, а мясо — лакомство», — описывал британский уполномоченный Дж. Мориер рацион рядовых военных в этом походе⁴⁴. Османское командование не знало «как в таком случае изворотиться»⁴⁵, чтобы обеспечить элементарные потребности не только своих солдат, но даже иностранных советников и наблюдателей. Уже через несколько дней после начала похода Энрико Франкини жаловался на «дороговизну и невозможность раздобыть съестные припасы, солому и дополнитель-

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3.

⁴¹ *Ад-Дарандали*. Зийя-наме. С. 239.

⁴² Сухой хлеб (тур. *пексимет*) являлся основой пищевого довольствия османской армии в походных условиях. В благоприятных обстоятельствах этот рацион пополнялся свежим хлебом, луком, вареным или вяленым мясом и *пилавом* — вареной пшеничной крупой (*булгар*) с маслом.

⁴³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 15–15 об.

⁴⁴ *Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army in Egypt, from February to July 1800. L., 1801. P. 17–18.*

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 892. Л. 15 об.

Крепость в комплексе Пайяс. Современная фотография

ный паек ячменя, конские подковы, обеспечить ремонт седел, вьюков и прочих предметов повседневной необходимости»⁴⁶. Дошло до того, что глава османской канцелярии *раис-эфенди* распорядился выделить из своей личной конюшни солому для лошадей российского представителя, чтобы они не передохли с голоду⁴⁷.

С самого своего прибытия в Пайяс садразам Йусуф-паша «клятвами, заверениями и обещаниями»⁴⁸ пытался заставить непокорного наместника явиться к нему на встречу. Свидание состоялось, но явно не при тех обстоятельствах, на которые рассчитывал глава османского правительства. Недаром Корансе называл Кючюк Али-оглу «самым дерзким и отважным вором из всех ага, которые не признавали власть Высокой Порты»⁴⁹. В тот момент, когда сераскер, окруженный лишь сотней телохранителей, приближенных и слуг, по традиции последним выступал из города, к нему подъехал спустившийся с гор Кючюк Али-оглу в сопровождении нескольких сотен вооруженных всадников⁵⁰. Йусуф-паша мгновенно

⁴⁶ Там же. Л. 23.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3 об.

⁴⁹ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 97.*

⁵⁰ Франкини сообщает о пятистах всадниках (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3 об.), Корансе — о двухстах (*Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 99*).

венно оказался «в положении пленника того, кого собирался пленить сам»⁵¹. Садразаму не оставалось ничего, кроме как проявить всяческую «любезность» и после продлившейся не более четырех минут беседы с явным облегчением покинуть Пайяс и его правителя⁵².

Иззет Хасан-эфенди ад-Дарандали оставил нам содержание этого разговора. Хронист, со своей стороны, отметил «ловкость» Халиль-паши, который явился приветствовать «высокое стремя» главы Высокой Порты в момент отбытия того из крепости. Далее якобы состоялся следующий диалог: «Говорят, паша, что ты — отважный смельчак, — с укором сказал главнокомандующий. — Однако очевидно, что удел всего живого — смерть, а люди, особенно смельчаки, ее не предвидят». На это Халиль-паша ему находчиво ответил: «Господин мой, смелость твоего слуги превосходит смелость равных ему и подобных ему. Придало же мне храбрости и мужества явиться к высшим визирям не отсутствие почтительного страха, о чем все знают и могут это подтвердить. И не боязнь силы неустрашимого полководца и доблестного льва, которым является мой господин. Не зазорно мне уважить его рабов и воздать им почет. Это само собой разумеющееся дело, не нуждающееся в доказательствах или аргументах»⁵³.

Несомненно, ад-Дарандали старался выставить своего патрона в выгодном свете. Однако и в этом пересказе обращает на себя внимание сочетание внешней почтительности и скрытой дерзости слов Кючюк Али-оглу. Ни о каких поставках продовольствия речь уже не шла. И даже то, что самоуверенный правитель Пайяса, осознавая превосходство своего отряда над немногочисленной свитой Зия-паши, смиренно попросил у него разрешения удалиться⁵⁴, являлось лишь соблюдением приличий.

После столь «теплого» приема, безнаказанно оказанного великому визирию, авторитет Халиль-паши, как отмечали в российском посольстве, возрос и его верховенство было принято «многими шайками разбойников, ... которые, — сообщал В.С. Томара, — наполняют и другие ча-

⁵¹ *Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 99.*

⁵² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 2256. Л. 3 об. Корансе, явно смакуя эту историю, напротив, рассказывал, что Кючюк Али-оглу еще долго сопровождал садразаму, «радуясь его замешательству и утверждая, что столь многочисленный эскорт он предоставил лишь из почтения к высокому рангу Его Превосходительства» (*Corancez L.A.O. de. Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure. P. 99*).

⁵³ *Ад-Дарандали. Зия-наме. С. 239–240.*

⁵⁴ Там же. С. 240.

сти Анатолии и которые прежде начальства его не признавали»⁵⁵. В последующие месяцы упоенный безнаказанностью владыка Пайяса продолжал грабить всех проезжавших через его владения, «особенно тех, что был хоть как-то связан с лагерем [садрама]»⁵⁶. Апогеем бесчинств Кючюк Али-оглу стал захват в плен голландского консула в Халебе, его старинного приятеля. Восемь месяцев правитель Пайяса продержал дипломата в цепях, подвергая пыткам и пытаясь получить за него выкуп в 25 тыс. пиастров. Убедившись, что близкие голландца могут набрать не более трети требуемой суммы, Кючюк Али провернул неслыханную по наглости аферу. Он конфисковал товары проходившего через его владения торгового каравана, заставив несчастного консула выдать расписку в получении данного имущества и отдав затем «должника» в полное распоряжение ограбленных купцов⁵⁷.

В 1808 г. Кючюк Али-оглу скончался, ему наследовал его сын Деде. В 1817 г. османский наместник в Адане неожиданно схватил и казнил Деде, однако власть в «семейном бизнесе» перешла его брату Мустуку Мустафе, который сохранял власть над Пайясом до середины XIX в.

Модернизация османской армии, начавшиеся в 1839 г. реформы Танзимата и последовавшая политика инкорпорации местных элит в османский военно-бюрократический аппарат смели деребеев с политической арены. Стала невозможной ситуация, подобная той, которая возникла в 1799 г. во время похода садрама на Египет. В середине XIX столетия местные правители, как включенные в административную вертикаль, так и находившиеся вне ее, были вынуждены отдавать свои властные prerogatives представителям Стамбула; тех, кто пытался сопротивляться, уничтожали. Однако в конце XVIII — начале XIX в. Порта демонстрировала явное бессилие, а европейские державы внимательно наблюдали за проявлениями кризиса провинциального управления, укрепляясь в своем мнении относительно военно-политической немощи Османской империи.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 1415. Л. 119.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Ед. хр. 897. Л. 28.

⁵⁷ *Barker J.* Some Account of Cuchuk Ali. P. 534.

REFERENCES

1. Archive of Foreign Policy of Russian Empire (AVPRI).
2. *Barker J.* Some Account of Cuchuk Ali in a Letter from John Barker, Esq. to his Excellency the Earl of Elgin, Dated Aleppo, the 20th November, 1800 // *Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor; During the years 1817 & 1818 by the Hon. Charles Leonard Irby and James Mangles, Commanders in the Royal Navy.* L., 1823.
3. *Barker W.B.* Lares and Penates: on Cilicia and its Governors; being a short historical account of that Province from the earliest times to the present day. L., 1853.
4. *Corancez L.A.O. de.* Itinéraire d'une partie peu connue de l'Asie Mineure, contenant: la description des régions septentrionales de la Syrie; celle des côtes méridionales de l'Asie Mineure et des régions adjacentes encore peu connues; l'examen des causes de l'abaissement du niveau à l'extrémité du bassin oriental de la Méditerranée, etc, etc... Paris: J.M. Ebehrard & Antoine-Augustin Renouard, 1816.
5. *Ad-Darandali Izzet Hasan-effendi.* Zia-name. Cairo, 1999.
6. *Gould A.G.* Lords or Bandits? The Derebeys of Cilicia. *International Journal of Middle East Studies.* 1976, 7 (04).
7. *Morier J.P* Memoir of a Campaign with an Ottoman Army in Egypt, from February to July 1800. L., 1801.
8. *Sahara Tetsuya.* The 1909 Adana Incident (Part 1): The Adana Province during the Nineteenth Century // *Meiji University. Academic Repository.* 2010, 9.
9. *Slade A.* Record of Travels in Turkey, Greece, etc. in the Years 1829, 1830 and 1831. 2nd ed. London, 1833.

Ключевые слова:

Османская империя, Киликия, французская экспедиция в Египет и Сирию, деребеи, Йусуф Зия-паша, Халиль Кючюк Али-оглу.

Taras Y. Kobishchanov

THE HIGHWAYMEN FROM THE GREAT SULTAN ROAD:

the Fight of the Grand Vizier against the Cilicia's Derebeys
during the Campaign against Napoleon Bonaparte of 1799

The Ottoman resisting the invasion of France to Egypt and Syria in 1798–1801 is one of the least studied plots of the Napoleonic wars. The campaigns of 1799–1800 and 1801, conducted by the Grand Vizier Yusuf Zia-pasha demonstrated both the weakness of the Ottoman army and the crisis of administrative and political management of the Empire. European observers, including Russian ones, could convince with their own eyes how the Sultan's troops were powerless not only to liberate Egypt captured by the enemy, but also to defeat the Derebeys, the leaders of bands of robbers that dominated in Anatolia. The presented article is devoted to the phenomenon of Anatolian Derebeys and to Yusuf Zia-pasha's fighting against them in 1799.

Key words: the Ottoman Empire, Cilicia, the French campaign to Egypt and Syria, Derebeys, Yusuf Zia-pasha, Khalil Kuchuk Ali-oglu

Taras Y. Kobishchanov — Ph.D., Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

Кобищанов Тарас Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова